

О значении и смысле

Домбровский Б.Т.

Аннотация: Предпринята попытка различения понятий значения и смысла с точки зрения онтологии. Утверждается, что различие введенных Г.Фреге понятий прямого (обычного) и косвенного денотатов обусловлено временем: значению соответствуют моменты настоящего времени, тогда для смысла они не достижимы; смыслу присуще прошлое и будущее время, которое можно рассматривать как длительность.

Ключевые слова: денотация, коннотация, понятие, символ, дескрипция, значение, смысл.

О обозначении (вместо введения)

В период широко трактуемого символизма вместо привычных слов «обозначать», «именовать», «называть» и т. п. использовали отыменный глагол «символизировать». При этом спектр выражений естественного языка, с помощью которых нечто можно было символизировать, расширился до такой степени, что истинностные оценки суждений были названы Г.Фреге денотатами, а сами суждения тем самым стали символами, обозначающими «истину» и «ложь». Принято считать, что истинность предикативна, а не денотативна, поэтому объяснить поступок Фреге, по-видимому, можно его антипсихологической настроенностью в отношении экзистенциальных суждений, свойства которых наиболее выразительно проявляются тогда, когда субъектом суждения оказывается единственный предмет. Поэтому Фреге и вынужден рассматривать возникавшие при именовании составными выражениями единичных предметов проблемы номинации, в частности, проблему собственных имен в составе суждения, одновременно возводя непреодолимую преграду в отношении попыток рассматривать материю всего суждения в качестве обозначающего выражения каких-либо иных предметов, кроме истинностных оценок: «Мы вынуждены, таким образом, признать, что денотатом предложения является его *истинностное значение* [Wahrheitswert] – “истина” или “ложь”; других истинностных значений не бывает. [...] То, что мы считаем истинностное значение вещью, может показаться неоправданным произволом, пустой игрой слов, из которой нельзя извлечь никаких интересных следствий» [Фреге, 1977: с. 190–191], Следствием, извлеченным Фреге из антипсихологической установки считать истинностные оценки денотатами, оказалось разделение последних на прямые, или обычные, и косвенные: прямые ассоциируются со значением (Bedeutung), а косвенные со смыслом (Sinn). Интерес же к смыслу у Фреге был вызван интенциональной трактовкой функции, потребовавшей найти объяснение одинаковому пробегу аргументов и значений для различных ее заданий. Принятие к рассмотрению универсальной предметной области, скажем так, усложнило для Фреге решение этой задачи, но здесь важен тот факт, что именно в различном задании функции, т. е. в ее обозначении скрывался источник разделения денотатов на прямые и косвенные. Альтернатива денотативной или предикативной трактовки истинностных значений обострила проблему номинации вещи составным выражением языка до такой степени, что в дальнейшем пришлось конвенционально обозначать различные предложения различными литерами уже существующего алфавита

(пропозициональное исчисление). Таким образом, решение было принято в пользу денотативной трактовки, что привело к утрате смысла, учитывать который пришлось уже в логике предикатов, но опять же не на функциональной основе, а все по тому же старому рецепту номинации теперь уже свойств и отношений. Относясь с пониманием к антипсихологизму основателя логической семантики, все же следует признать, что для объяснения парадоксов именования разделения денотатов на обычные и косвенные, как кажется, недостаточно: проблема смысла, которую обошли введением экстенциональных и интенциональных контекстов, остается без указания причин, которые ее вызвали. Отыскание этих причин побуждает обратиться к исходным для Фреге установкам в надежде найти помимо существующего объяснения парадоксов именования также и причину их появления.

Именованье денотатов суждениями привело к тому, что все истинные (а равно и ложные) суждения оказались с точки зрения «истины» (соответственно, «лжи») неразличимы. Отменяет ли эта неразличимость суждений их деление на априорные аналитические и апостериорные синтетические?

Априорность и апостериорность суждений мы ассоциируем со временем: априорные суждения, скажем так, вне времени, до времени, или, по крайней мере, в недоступном для нас времени, тогда как апостериорные суждения, если и не выражают непосредственно параметр времени, то, по-видимому, содержат его в скрытом виде.

И. Кант считает, что существуют синтетические суждения априори. Если принять положение Канта, то при сделанных выше допущениях относительно ассоциированного с суждениями времени возникает вопрос: что это за время синтетического суждения априори, время вне времени? Очевидно, что это «время вне времени» связано не с существованием конкретного символа для обозначения суждения, но его с денотатом, т. е. в данном случае с истиной. Возникшая дилемма – истина во времени или истина вне времени – возникла, как кажется, потому, что оценка была отождествлена с денотатом, т. е. она стала выражать также и существование. Говоря иначе, априорное время закона и апостериорное время существования подпадающего под этот закон вещи – это не разные времена, а одно и то же время, некоторые моменты которого недоступны эмпирическому познанию, в частности, недоступно априорное время аналитических суждений. Решение же Фреге посредством символизации объявить истину денотатом, т. е. обозначить единственную для конкретного суждения существующую вещь, привело к отождествлению времен: время истины = время существования. Выход из грядущей коллизии, как кажется, состоит в выборе альтернативы – или время истины, или время существования денотата, оказавшегося вещью.

Ключевым моментом отмеченной коллизии является момент обозначения единственной вещи (денотата), вызывающей ее к существованию. Именно с анализа этого момента, т. е. обозначения вещи собственными именами, и приходит Фреге к отождествлению истины и существования, т. е. времени истины и времени существования вещи. Поскольку речь пошла об обозначении материей суждения единственного денотата, то несомненным претендентом на роль имени для истины оказывается аналитическое суждение, в частности, т. н. единичные предложения существования (с позитивной связкой), например, «Бог существует». Ст. Лесневский, чье творчество началось (как сегодня сказали бы, с подачи К. Твардовского) с анализа экзистенциальных суждений, прямо пишет: «Все позитивные экзистенциальные суждения являются аналитическими». [Lesniewski, 1911: s. 331]

Таким образом, сузив в случае с денотатом «истина» обозначающие выражения до совокупности аналитических суждений, а среди них выделив экзистенциальные суждения, а также используя в качестве методологического приема предложенное

Дж.Ст.Миллем различие среди функций обозначающего выражения денотации и коннотации, упомянутую выше коллизию времен, а равно и двойственный характер денотата, как кажется, можно перетолковать следующим образом: для того, чтобы «истина» была не только предикативна, но и денотативна, должно ли время функции денотации совпадать с временем функции коннотации? Если для аналитических суждений ответ, вероятно, будет утвердительным, то во всех прочих случаях обозначающих выражений, особенно составных, вопрос о времени существования денотата и времени истинных о нем утверждений остается открытым. Говоря иначе, хотя до сих пор проблема обозначения и рассматривалась с разных точек зрения, в частности экзистенциальной, в которой время появлялось как длительность, но не денотата, а именуемого или выносящего суждение субъекта, то здесь время предстает как момент совпадения «истины» и существования обозначаемого предмета. Выбор же Фреге в качестве денотата «истины» позволил хоть как-то обозначить возникшую в этом совпадении проблему номинации, решение которой, по-видимому, находится не только в пространстве, но и времени. Говоря еще короче, в общем случае следует ожидать, что время денотации \neq времени коннотации, существование – отдельно, и истина – отдельно, т. е., создавая истинные высказывания, мы еще не создаем бытия во времени.

1. Понятие

Несмотря на то, что понятие берет свое начало у Сократа, его теория до сих пор развивается, о чем свидетельствует различная терминология, используемая при изложении учения о понятии. Так в рамках одной научной школы при указании видовых отличий, подпадающих под понятие объектов, в одном случае используется термин содержание [Асмус, 1947], а в другом – смысл [Маркин, Бочаров, 1994]. Правда, символическая логика оба указанных термина предложила именовать интенционалом, однако эта унификация, по-видимому, ясности не внесла.

Наряду с интенционалом для обозначения объема понятия используют термин экстенционал, выражающий существование объектов понятия. Понятие экстенционала осмысленно только при условии наличия вышестоящего рода. Это требование является необходимым условием появления в языке термина для понятия с тем, чтобы оно выполняло свою основную функцию - обобщения. Разумеется, можно таким образом сконструировать содержание понятия, что его объем будет пустым или единичным, однако термин для такого понятия (возможно, допуская деконструкцию) чтобы быть понятным, должен оставаться осмысленным в рамках рода. Отсутствие вышестоящего рода свидетельствует о том, что сконструированное понятие лишено термина и является собственным именем или описанием отдельной вещи.

Первенство существующих объектов, подпадающих под конкретное понятие, отмечалась еще Аристотелем, указывающим, что «род первее видов». [Аристотель, 1978, с. 88] Современные исследователи также подчеркивают осмысленность понятия объема в рамках универсума (рода) [Маркин, Бочаров, 1994]. Если термин оказывался составным, то «жизнеспособность» сконструированного термина проверялось его заменой простым выражением языка для используемого понятия, которое прямо позволяло соотносить его с родом [Аристотель, 1978, с.192]. Зависимость термина от существующих элементов объема понятия всегда была определяющей: объем всякого понятия должен включаться в род, а уж *genus proximum* непосредственно свидетельствует о существовании.

К сказанному должны быть предъявлены претензии: в языке имеются термины для абстрактных понятий, объем которых не свидетельствует о реальном существовании, которое имелось в виду выше. Чтобы не усложнять изложение,

заметим, что абстрактные понятия, например право, справедливость и т. п., содержат в своем объеме оценки этики, эстетики и даже логики, но все они являются результатами суждений, материя которых состоит из терминов. А это значит, что наряду с рассмотрением отдельных терминов, придется оговаривать ситуацию, когда они включены в материя суждения.

Отношение отдельного термина к роду охарактеризуем понятиями денотации и коннотации. Указанное отношение распадается на два: денотация термина соотносится с объемом родового понятия, а коннотация с его содержанием. Оба отношения к тому же разнонаправлены: денотация соотносит объем рода с термином для видового понятия, а коннотация, наоборот – термин видового понятия с содержанием рода. Представлять эти отношения удобно в виде соответствующих стрелок: денотацию в виде стрелки \downarrow , а коннотацию стрелкой \uparrow . Таким образом, отдельное понятие можно изобразить следующим образом – «<термин> $\downarrow\uparrow$ ». В отдельно взятом термине отношения денотации и коннотации, несмотря на их разнонаправленность, да еще и при предполагаемом роде, в своей параллельности сливаются до неразличимости, которую трактуют как значимость термина. Поэтому про всякий отдельный термин естественного языка можно сказать, что у него есть значение в виде совместного (параллельного) представления объема и содержания (денотации и коннотации). Источником этого значения является не оценка, а вышестоящий род.

Поскольку универсум (род) не пуст, то для выбранного термина денотация всегда определена, что – в свою очередь – порождает у этого термина понятие именно объема, а не существования отдельного предмета, в отношении которого, как кажется, уместнее говорить о номинации. Коннотация же, в отличие от денотации, в отношении к конкретному роду определена не всегда, например, при дихотомии понятия. Поэтому содержание понятия при выбранном термине легче варьируется, нежели его соотносимый с родом объем, у коннотации больше свободы, она подобна незаполненной валентности. Заполнить эту валентность призвано суждение.

В суждении коннотация связана. В общем случае эту связь можно определить как мысль [Асмус, 1947]. Вот почему в упомянутой выше научной школе понятие называется также мыслью [Бочаров, Маркин, 1994: с.170]. Для выражения этой связи приходится принимать во внимание материя суждения, почему и коннотация термина в составе суждения меняет свою ориентацию. Несмотря на то, что термины в суждении формально равноправны, говоря о его материи, принято различать субъект, предикат и связку. В дальнейшем в виду будет иметься только субъект суждения (S). В суждении связь понятия с родом ослабляется едва ли не до полной ее утраты, а коннотация термина S направлена теперь на предикат суждения. Если отдельный обладающий значением термин S свою связь с содержанием рода выражает так – $S\uparrow$, то в материи суждения так – $S\rightarrow$. Очевидно, что в материи суждения относительно свободная коннотация термина к содержанию рода оказывается связанной с конкретным предикатом суждения. Однако денотация остается без изменений, что позволяет сохранить за термином его значение, трактуемое теперь преимущественно экзистенциально, т. е. говорить о денотате субъекта суждения. Таким образом, потерявший в суждении параллельность отношений коннотации и денотации термин для понятия может быть представлен так – $S\downarrow\rightarrow$. Продолжая аналогию образов, можно было сказать, что в суждении параллельность коннотации и денотации термина превращается в ортогональность. Термин будет сохранять свое значение (экзистенциальное) при условии истинности суждения, а перпендикулярность изображающих упомянутые отношения стрелок указывать на единственность оценки «истина».

Перед разбуженной в Новое время мыслью встала задача создания понятий. Апогей творчества пришелся на период, получивший название символизма. Очевидно, что творить понятия в естественном языке мысль могла преимущественно за счет коннотации. Да и само понятие коннотации появилась у эмпирика Дж.Ст.Милля как реакция на восприятие отдельных вещей, требующих обобщения в термине для понятия. Однако коннотация в суждении, собственно и предназначенном для манипуляций с интенционалом, регулировалась отрицанием связки и никак не сказывалась на денотации. Покамест в качестве субъекта выступало понятие, «истина» все еще была связана с существованием за счет рода, но когда субъектом становилась отдельная вещь, часто скрывающаяся под именем объекта, оценка суждения – какова бы она ни была – могла и не выражать правомерность коннотации из-за онтологического провала субъекта. Появившееся в научном обиходе XIX столетия «понятие» эфира, употребленное, например, в суждении «Эфир прозрачен», приводит к истинностнозначному провалу из-за онтологического провала субъекта. Но поскольку выражение «эфир» взято из естественного языка, то, несмотря на неподтвержденное существования эфира, оно, да и все высказывание, осмысленно. Таким образом, ситуация, когда обозначающее выражение лишено денотата, но остается осмысленным, в естественном языке является нормой. Норма подвергается новеллам только тогда, когда появляется необходимость создания не денотата, а обозначающего его выражения, которое к тому же обладало бы значением, подобным термину для понятия. В условиях бурного развития науки и техники в XIX-XX столетиях необходимость в новых терминах ощущалась особенно остро. Иногда удавалось непосредственно сконструировать термин, например, «пароход», «пулемет» и т. д. Однако в случае с уникальной вещью ситуация становилась безысходной: доктрина реизма оказалась несовместимой с теорией понятий и для каждой вещи следовало бы конструировать отдельное обозначающее выражение. Естественный язык обходил реизм, наделяя вещи собственными именами, что не вызывало отторжения, поскольку уникальные вещи действительно существуют. Однако научное творчество при выдвижении гипотез изменило ситуацию кардинально, выдвинув на первый план создание обозначающих выражений, и лишь затем обнаружение соответствующих им денотатов. Можно сказать, что научное творчество в определенной степени свелось к творчеству терминов для понятий, которые часто оказывались комплексами, что расходилось с рекомендацией Аристотеля (а также традиционной логики) заменять составные выражения для понятий простыми. Обыденный же язык вместо конструирования научных понятий (что естественно) и соответствующих им терминов (что неестественно) всегда предлагал описание, которое эффективно блокировало доктрину реизма, поскольку в дескрипции (за исключением некоторых ее форм) акцент проставляется на интенционале, т. е., говоря языком Г.Фреге, на косвенном денотате, а не прямо.

Итак, идет ли речь об объеме понятия или об отдельной вещи, соответствующие им выражения естественного языка вызывают феномен, кратко названный интенционалом, под который подпадают содержание, иногда значение и, конечно, смысл. Сконструировать обозначающее выражение в естественном языке без интенционала невозможно. Этот вывод может показаться тривиальным, однако в нем заключены необходимые и достаточные условия того, чтобы выражение языка выполняло функцию обозначения, т. е. было знаком. Необходимым условием является существование обозначаемого (объема, денотата, номината, референта) в пространстве, а достаточным условием оказывается интенционал, охарактеризовать который экзистенциально невозможно, поскольку его субстратом оказывается само обозначающее выражение, отличное от обозначаемого. Поэтому возникает подозрение,

что онтологической характеристикой столь подвижной сущности, как интенционал (значение, содержание, смысл), является время. В случае с понятием, разумеется, можно указать на определение границ интенционала, однако лишь за счет экстенционала, так что даже в случае приписывания противоречивых свойств понятию его объем хотя и окажется пустым, но он будет продолжать указывать на пространство, а не время. В этом случае можно было бы даже сказать, что понятие не бессодержательно, а бессмысленно, однако отсутствие границ у содержания как раз и будет свидетельствовать об отсутствии таковых у смысла. Кратко говоря, содержание ограничено, а смысл безграничен. Последнее утверждение, по-видимому, верно только в отношении пространства. А значит, границы смысла надо искать во времени.

Определение содержания понятия, как кажется, является примером творчества сущего по слову. В случае же с отдельной вещью, как бы ее ни называть – предметом, объектом и даже теоретическим конструктом, речь неминуемо пойдет о создании обозначающего выражения. На рубеже XIX–XX столетий творчество обозначающих выражений для отдельных вещей стали называть символизацией. Символизацию, по-видимому, можно рассматривать как попытку создания имени без учета его интенционала.

2. Символ

У символа длительная история. Он результат творчества, а его онтологией является реизм [Домбровский, 2014]. Условно в истории символа, как кажется, можно выделить два этапа: эстетический и лингвистический. Первый отличается от второго тем, что символ как результат творчества всегда незавершен, что, в частности, выражается в многозначности его оценок, тогда как второй этап, едва заметный в естествознании Нового времени, отчетливо проступает вовне в XIX столетии и оформляется в течение символизма, охватившего все сферы творчества – как гуманитарного, так и точных наук. На втором этапе построения символа его удастся завершить, но только за счет того, что он сначала встраивается в естественный язык, а затем целью творчества становится создание собственно «языков», приведших к появлению т. н. символической, или формальной, или математической (сказались исторические корни) логики. Завершенность в деле построения отдельных символов (как правило, из уже существующих алфавитов, тогда как наибольшие трудности логики испытывали с формализацией процесса вывода) не означает прекращения творчества: лишенный значения и смысла символ, ставший наконец знаком, потребовал для себя интерпретации, причем не индивидуальной, а общепринятой, или хотя бы конвенциональной. Таким образом, без *процесса* интерпретации лингвистического символа его нельзя считать результатом творчества. Но процесс происходит в настоящем времени, а не в прошлом или будущем. С другой стороны, восприятие символа как инскрипции также происходит в настоящем времени. Двух моментов настоящего времени одновременно быть не может. Поэтому если символ, будучи вещью, претендует на статус знака в настоящем времени, то его интерпретация будет обращена всегда в прошлое или будущее, т. е. она должна происходить за счет этих времен. Даже «перевод» символа как знака из разряда инскрипции в разряд экземпляра потребует интерпретации, например, в виде конвенции, которая была принята и ее действие предполагается в будущем.

Лишенный интерпретации символ как знак хотя и наличествует здесь и сейчас, но референция такого знака направлена отнюдь не вовне, где он мог бы обрести, по крайней мере, смысл и удовлетворять критерию интересубъективности (почему и называют такие знаки эзотерическими символами). В исследовании же научной символики, стремясь к объективности, акцент проставлялся не на интенционале, а на

экстенционале знака, и сделано это было опосредовано, при помощи математических моделей. В этих последних на передний план вышло не стоящее за знаком существование, а истинность пропозиций, поскольку само понятие модели снимало с повестки дня вопрос объективного существования референта знака. И хотя интерпретация свелась к экстенсионалу, но ее творческий характер проявился в истинностной оценке, изучение которой привело к разделению языка на язык-объект и метаязык. Разумеется верно, что метаязык «богаче» языка-объекта, но экстенсиональный характер последнего позволяет сказать, что состоящий из экстенсионала и интенционала монолит понятия дал трещину, которая разделила творчество на процессы и результаты - процессы, и прежде всего интерпретации, стали прерогативой метаязыка, а результаты были отнесены к языку-объекту. К последнему, как указывалось, опосредованно было отнесено и существование (экстенсиональное) обозначаемых сущностей, тогда как творческая функция интерпретации со скрытым параметром времени в метаязыке, продолжающим, как правило (хотя и необязательно), оставаться естественным, продолжала наделять символы языка-объекта не только бытием, но и смыслом, хотя и опосредовано. Кратко говоря, сконструированный при помощи метаязыка язык-объект потребовал раздельной интерпретации экстенсионала и интенционала.

Областью отправления функции интерпретации является язык-объект, а областью прибытия – метаязык. Интерпретацию экстенсионала можно свести к перекодировке. Однако уже в случае с экстенсионалом знака обнаруживаются отличия в его использовании. Если функцию образно трактовать в виде стрелки, то денотация апеллирующего к роду понятия ($S\downarrow$) при интерпретации (теперь уже символа) « S » станет отличаться направлением, хотя и будет обозначать один и тот же объект, т.е. будет иметь место $S\uparrow$. Сразу можно заметить, что последняя схема использовалась для обозначения коннотации, что еще как-то можно объяснить с учетом того, что при интерпретации областью прибытия является метаязык, «богатство» которого не определено. Однако, имея в виду только экстенсионал символа S , следует признать, что его предполагаемая денотация « \downarrow » (при отсутствии у символа рода денотации и не может быть) отличается от интерпретации « \uparrow », что часто не различалось, и оба параллельных отношения знака к объекту называли номинацией, отдавая предпочтение на рубеже XIX-XX ст. «символизации». В логической семантике, разделившей язык на язык-объект и метаязык, интерпретация экстенсионала получила название референции, а ее использование ограничено экстенсиональным контекстом.

Определить функцию интерпретации для интенционала символа, когда ее область определения идентична с таковой областью интерпретации для экстенсионала, можно только различив область прибытия. Богатство метаязыка позволяет это сделать при условии, что приписываемый символу интенционал отличается от свойств, которыми он обладает как инскрипция, т. е. символ не может быть автореферентным. Говоря иначе, символу можно приписать любые свойства, кроме тех, которыми он сам обладает как вещь. В этом случае он перестает быть автонимным и может стать знаком, отличным от обозначаемого. Следовательно, символ как знак является «семантически прозрачным» для референта, если свойства референта и интенционал символа отличны друг от друга. Это отличие свойств позволяет выбрать символ едва ли не произвольно. Акт выбора совершается не в пространстве, а во времени, разумеется настоящем. Но и воспринимая выбранный символ, приходится отдавать ему настоящее время, тогда как на долю свойств референта, т. е. собственно интенционала остается прошлое или будущее время. В символической логике указанное различие свойств обозначения и обозначаемого и было проведено символически: в метаязыке была выделена семантическая категория индивидов, каждому из которых в языке-объекте

соответствовал свой формально неразличимый символ (экземпляры, а не инскрипции, отнесенные к синтаксической категории), а также семантическая категория предикатов, каждый из которых получил свое символическое выражение в языке-объекте и мог приписываться любому символу индивида. Для различения свойств обозначаемого и обозначающего теперь достаточно было выбрать размеры литер-символов, например, A(a).

Таким образом, использование символа как знака потребовало радикального различения символизируемого существования индивида и приписываемых ему символически свойств, что выразилось в различных семантических категориях и соответствующих им категорий синтаксических. Метаязык, заменивший символу-термину род, позволил наделять символ экстенсионалом и интенсионалом, при условии их *полного разделения*, позволившего не путать параллельные функции интерпретации экстенсионала и интенсионала - $A\uparrow(a\uparrow)$. Разделение функций интерпретации отделяло символ как вещь от индивида, являющегося также вещью, но происходило это отделение за счет интенсионала. Параллельное же использование экстенсиональной и интенсиональной интерпретации без различия семантических (и, соответственно, синтаксических) категорий в случае с символом не только приводит к путанице обозначаемого и обозначающего (символомания и прагматофобия Твардовского), но свидетельствует о едином времени этих функций. Кратко говоря, параллельность интенсионала и экстенсионала есть одновременность существования вещей – символа и символизируемого индивида. Одновременность ликвидируется за счет семантических категория – индивидов и предикатов. В символической нотации такой категории, как универсалия, допускающей совместное, а значит одновременное рассмотрение интенсионала и экстенсионала, больше нет, поскольку в один и тот же момент настоящего времени невозможно действие двух различных функций интерпретации – экстенсиональной и интенсиональной. Коммуникация с помощью языка символов невозможна.

Подводя итог сказанному о символе, отметим, что трудности возникли в период символизма, когда создавались вещи, которые надо было именовать, т. е. для созданных вещей пришлось создавать имена. До символизма в творчестве продвигались преимущественно в обратном направлении - от языка к вещам, а в символизме пошли от вещей к языку, придя к отождествлению в символе вещи и обозначающего ее выражения. Трудности были не с созданием материальных вещей, а с их именованием. И трудности становились непреодолимыми тогда, когда с обеих сторон – обозначаемого и обозначающего - приходилось иметь дело с символом – уникальной вещью. В этой ситуации язык для вещей потребовал собственных имен. Наиболее глубокий анализ собственных имен был дан Г.Фреге. Однако его антипсихологизм и стремление создать формальную логику, наследующую принципы логики традиционной, привели его к постулированию у *одного* суждения *двух* денотатов, но *не одновременно*, а также к различению денотатов на обычные и косвенные. Косвенным денотатом сложного высказывания был смысл. Если субъектом такого высказывания оказывалась вещь, а не понятие о ней, то высказывание тяготело к описанию, а то и просто становилось таковым. Обычный денотат суждения или описания предполагал настоящее время, а вот косвенному денотату оставалось время прошедшее или будущее. Первая часть сделанного утверждения могла быть проверена посредством критерия «salva veritate», базирующегося на тождестве денотатов, например, «Вечерняя звезда \equiv Утренняя звезда», но в этом случае из-за того, что тождество указанных денотатов выполняется в каждый момент времени, т. е. в настоящем времени, легко прийти к противоречию и в оценках суждения, субъектом которого станет или «Вечерняя звезда», или «Утренняя звезда». Возможные коллизии с

истинностными оценками произойдут не потому, что денотаты «собственных имен» «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» различны, а потому, что различны моменты времени, в которые можно наблюдать указанный денотат. Соглашаясь с Г.Фреге в том, что различия отмеченных имен кроются в их смысле, приходится констатировать, что смысл зависим от времени, причем в моменты настоящего времени осмысленные обозначающие выражения вещей, претендующие на роль собственных имен, приводят к противоречиям, ответственность за которые лежит на смысле в настоящем моменте времени.

Приведенные примеры собственных имен «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» указывают, как считал Фреге, на возможные проблемы с денотатами указанных обозначений и денотатом суждения, усматривая их причину в смысле, который есть «способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге, 1977: с. 183]. Говоря иначе, единственный денотат суждения хотя и опосредованно, т. е. через свою материю, может быть определен двумя разными способами и различие этих способов в рассматриваемом случае зависит от интенционала собственного имени. Уже на этом этапе можно было бы усомниться в статусе упомянутых собственных имен, ведь собственное имя должно быть единственным, а значит, и задано оно может быть единственным способом, а не различными. Разумеется, в различных естественных языках собственное имя звучит и записывается по-разному, но в языке науки высказанное требование к собственному имени приближает его к символу с тем отличием, что лингвистический символ, если он лишен интерпретаций, автонимен, но не автореферентен, т. к. последнее предполагает функциональную трактовку, а функция может быть задана различным образом. Анализ Фреге, ориентированный на денотат составных собственных имен, содержащих интенционал, вынудил его различать обычный (прямой) денотат, косвенный денотат в придаточном предложении, т. е. собственно смысл, и, ко всему прочему, также денотат суждения. Со столь богатой денотатами онтологией, возможно, понятие и справилось бы, но для собственных имен индивидов эстенциональное и интенциональное единство семантики пришлось оправдывать универсальной предметной областью, т. е. наивысшим родом, лишенным видовых свойств, которые, однако, семантика позволяла приписывать индивидам. В этой ситуации всякая попытка обобщения индивидов с включением их в универсальную предметную область должна была закончиться парадоксом, который и обнаружил Б.Рассел. Логические, а точнее – лингвистические причины этого парадокса широко известны, но, как кажется, их можно философски обобщить: всякая попытка с помощью языка указать способ существования индивида, даже если его и именуют множеством, обречена на провал. Тот факт, что этот способ является непредикативным, нарушающим антисимметричность определения множества и его элементов, указывает не столько на предикативный характер множества или отсутствие такового у его элементов, сколько на относящееся к формулировке закона исключенного третьего предостережение Стагирита касательно времени: «Невозможно, чтобы что-то одновременно было и не было» (Метафизика Г 6, 1011 а 12). Однако обычно этому принципу придают, игнорируя указание на время, исключительно предикативную формулировку, например, «ни один предмет не может одним и тем же свойством обладать и не обладать» [Лукаевич, 2012: с. 60]. Этой формулировки достаточно, если речь идет о предмете, подпадающем под понятие, содержание которого можно задать предикативным определением, но для индивида, способ существования которого задается содержащим интенционал собственным именем, параметр времени выступает на первый план. Приписываемые же индивиду свойства могут лишь сигнализировать о творчестве бытия посредством создания «собственного имени», в частности тогда, когда возникает противоречие, регулируемое указанным законом; но творчество – это

процесс, а значит, определяющим в законе становится время. Рассматриваемые Фреге «собственные имена» «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда», как кажется, об этом и свидетельствуют.

Было бы наивностью при всех коллизиях, создаваемых во времена символизма реформаторами традиционной логики, обвинять естественный язык в несовершенстве. Время показало, что законы остаются неизменными, а подверженными реформированию оказываются средства их формулирования таким образом, чтобы не нарушался закон. В символической логике одним из средств избежать коллизий стало введение понятий семантической и синтаксической категорий. Ранее указывалось, что для различных семантических категорий функции интерпретации должны задаваться отдельно, и было приведено схематическое определение для логики предикатов - $A\uparrow(a\uparrow)$. Однако для собственных имен, т. е. для комплексов «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда», отражающих способ построения имени и принадлежащих к одной категории имен, указанную схематически интерпретацию задать невозможно, т. е. схематические записи «Вечерняя \uparrow (звезда \uparrow)» и «Утренняя \uparrow (звезда \uparrow)» неправомерны. Два этих имени для одного денотата – Венеры – отличаются предикатами «вечерняя» и «утренняя», которые, что отмечалось выше, указывают на различное время появления существующего денотата. В частности, ранее «параллельность» функций интерпретации ($\uparrow\uparrow$) трактовалась как одномоментность, что для одного собственного имени естественно. Но как быть с двумя собственными именами одного денотата? Неужели двум именам одного денотата будут соответствовать два момента времени его существования? Разумеется нет, что подтверждается одинаковыми для двух имен экстенциональными функциями интерпретации, говорящими о существовании в каждом моменте настоящего времени звезды, именуемой также Венерой. Говоря иначе, предмет существует в настоящем времени и поэтому ассоциированная со временем «параллельность» стрелок интерпретации в схемах «Вечерняя \uparrow (звезда \uparrow)» и «Утренняя \uparrow (звезда \uparrow)», т. е. одномоментность должна быть исправлена. Если схеме экстенциональной интерпретации «(звезда \uparrow)» соответствует момент настоящего времени, то для схем «Вечерняя \uparrow » «Утренняя \uparrow » остается прошедшее или будущее время. «Развести» в упомянутых «собственных» именах существование денотата в моменте настоящего времени с неопределенной протяжностью будущего и прошлого времени следует радикально не только потому, что возможны коллизии логического характера, но и потому, что возможен онтологический провал, ведь у сконструированного «собственного» имени может и не быть денотата, хотя смыслом такое «имя» обладать будет. Радикализм в различении момента настоящего времени, которым определяется существование вещи, от времени будущего и прошлого изобразим ортогональностью стрелок « $\uparrow\rightarrow$ », символизирующих направления интерпретации, причем вертикальная стрелка по прежнему изображает функцию экстенциональной интерпретации, поскольку она оказалась неизменной для обоих «собственных» имен, а развернуть пришлось стрелку интенциональной интерпретации. Продолжая манипуляции с изображениями функций интерпретации, равенству обладающих смыслом «собственных» имен (но, наследуя Фреге, не денотатов) «Вечерняя звезда» = «Утренняя звезда» можно сопоставить схему « $\leftarrow\uparrow\rightarrow$ », которая символизирует момент настоящего времени, т. е. момент существования Венеры в виде пересечения горизонтальных стрелок будущего и прошлого с вертикальной стрелкой настоящего времени, собственно и состоящей из моментов.

Теперь для отмеченного ортогональностью стрелок радикального разделения момента настоящего времени от протяжности будущего или прошлого времени необходимо найти лингвистический эквивалент. В частности, используя намеченное Фреге разделение денотатов на обычный (прямой) и косвенный, предстоит для

упомянутых «собственных» имен, являющихся составными выражениями, обнаружить в языке конструкции, указующие на один и тот же денотат при различных интенционалах (смыслах). Язык издавна выработал такие конструкции, привычно называемые описаниями предмета представления. В период символизма Рассел подверг их научному, т. е. логическому анализу, но сделал он это, опять же, в духе символизма, поскольку, во-первых, критерием анализа была истинность содержащих дескрипцию пропозиций, или, говоря языком Фреге, одному денотату (предмету) ставился в соответствие другой денотат (истина), что ограничивало проверку экстенциональными контекстами, а во-вторых, сама пропозиция предполагала использование синтаксической категории индивидов, представленных элементами предполагаемого, но неопределенного класса (рода или универсума рассмотрения), тогда как порожденная в естественном языке дескрипция описывает один единственный предмет, независимо от его включения в какую-либо совокупность, причем делает это не в парадигме «элемент-множество», а в парадигме «часть-целое».

Итак, «собственным именам» «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» могут быть сопоставлены в естественном языке конструкции «звезда, которую видно утром» и «звезда, которую видно вечером». Все сказанное выше не является откровением и уже достаточно давно известно, как и то, к чему направлен был ход изложения - к дескрипции. Единственной новацией в изложенном выше материале было, как кажется, время. Оно и оправдывает сказанное.

Однако прежде чем приступить к рассмотрению дескрипции, следует устранить некоторые возможные возражения, связанные с используемыми понятиями денотации, коннотации, экстенциональной и интенциональной интерпретаций применительно к составным обозначающим выражения, способным якобы выполнять роль собственных имен.

Приведенные выше рассуждения об «Утренней звезде» и «Вечерней звезде» как собственных именах были сделаны с точки зрения символизма, т. е. эти имена рассматривались как символы-знаки, которым приписан интенционал (смысл). У этих имен с любым символом общий источник – человеческое творчество, а также присущая символу уникальность их денотатов, почему они и называются собственными именами, которые, однако, приходится брать в кавычки. Теперь нужно объяснить причину употребления кавычек в выражении «собственное» имя, как и приписывание (хотя и условное) функций интенциональной интерпретации. Заметим, что понятие коннотации употреблялось для терминов понятий, тогда как функция интерпретации – для символов. И только на указанном сходстве символов с именами «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» к ним применялось понятие интерпретации, предполагающее, как и в случае с символом, различие семантических категорий для экстенционала и интенционала. Однако выражения естественного языка изначально интерпретированы, поэтому каково бы ни было различие выражений «вечерняя» и «утренняя» от выражения «звезда» при помощи семантических категорий, последнее всегда будет иметь как интенционал, так и экстенционал, т. е. будет иметь значение в указанном выше смысле. Этот «остаток» после деления в русском языке по семантическим категориям составного «собственного» имени «Утренняя звезда» или «Вечерняя звезда» не имеет места в немецком языке (*Abendstern* или *Morgenstern*), что вообще весь анализ делает условным, зависимым от символической трактовки названных имен, но главное препятствие в наделении интенционалом этих имен состоит в том, что в соответствии с теорией Дж.Ст.Милля собственные имена коннотацией не обладают, а значит, функции интерпретации интенционала у них попросту нет. Означает ли это, что у собственных имен вообще нет интенционала?

Практика наделения, например, человека собственным именем свидетельствует об отрицательном ответе, причем упор в акте именовании собственным именем делается именно на интенционале. Однако интенционал остается благим пожеланием, а главенствующим моментом акта именовании вещи является не столько момент наделения именем по произволу, сколько однозначное соответствие имени вещи. Говоря иначе, собственным именем обозначающее выражение делает не собственно имя или его употребление в языке, а единственность денотата, т. е. вещи. Таким образом, собственное имя – это имя индивидуума. И как индивид является неделимым, так и имя в акте номинации становится неделимым. Свойство неделимости собственного имени сближает его с символом, стремящимся к завершенности, целостности. Но если источником неделимости собственного имени в естественном языке оказывается предстоящая вещь, то в символизме исходным оказывается сам символ как знак, требующей безотлагательной его интерпретации, и прежде всего – интенциональной.

Неделимость собственного имени и неделимость обозначенной им вещи категорически исключают всяческие попытки анализа как одного, так и другого: идеям логического атомизма нет места при наделении вещи собственным именем. Идеи логического атомизма могут быть реализованы или за счет различения семантических категорий в символизме, или за счет конструирования дескрипции в естественном языке. Но в любом случае прямая попытка отобразить в строении имени сущность вещи будет, по-видимому, обречена на провал: апофатические барьеры языка были созданы отнюдь не его пользователями.

Наконец, можно попытаться указать на механизм образования «собственных» имен, которые весьма схожи с терминами для понятий, ведь что мешает считать выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» понятиями? Мешает только единственное число, т. е. индивидуальные черты обозначенного предмета, об определяющем характере которых говорилось выше. Этот механизм сродни дефиниции терминов для понятий, но с одной хитростью. В дефиниции термина, имеющей структуру $Dfd \equiv Dfn$, в правой части акцент проставляется на интенционале, а в левой – на экстенционале. Варьируемой частью является Dfn , однако если воспользоваться тождеством (трактуемом экстенционально) и приписать свойство из левой части к термину правой части, да еще в единственном его числе, то легко получить «собственное» имя индивида. Именно так и поступал, например, Ф.Брентано, который настаивал на том, что следует писать не «Роза красная (есть)», а «Красная роза (есть)». Случай с психологом Брентано показателен тем, что он доводит возникшую в период символизма ситуацию до неразрешимых противоречий, соединяя в едином языковом комплексе суждения не только проблемы существования вещи (представленного предмета), ее обозначения, но также истинности. Антипсихологист Фреге хотя и воспользовался уже готовыми и якобы неделимыми выражениями «Abendstern» и «Morgenstern» для именовании одной и той же вещи, но попался в ту же ловушку, что и Брентано: установка на эмпиризм привела обоих философов к принятию составных выражений в качестве собственных имен, но искусственно сконструированных. Получить ответ на вопрос, всегда ли удастся создать собственное имя для именуемой вещи, если вещь существует, пожалуй, риторический. Более значимым оказывается ответ на вопрос, что будет препятствовать созданию собственного имени, в частности, при заочном ознакомлении с вещью, которое может произойти только при помощи языка. Говоря иначе, во что превратится при создании имени денотация при отсутствии у имени коннотации?

Денотация термина для понятия, а также собственного имени была представлена так – «<имя>↓». Но и помещенное в состав материи суждения имя не изменяет ни в чем

денотации, а если это термин для понятия, то кванторные слова в суждении как раз и призваны сохранить изначальное направление номинации «от рода к виду», несмотря на приписываемые в суждении субъекту свойства. Кратко говоря, кванторные слова «имеют дело» с экстенционалом, а не его интенциональными характеристиками, они по преимуществу синкатегорематические выражения, а не категорематические. В суждении эти характеристики будут приписываться предикатом, но в субъекте они противопоказаны, т. е. вышеупомянутых выражений «Красная роза», «Утренняя звезда» и т. п. быть не должно, а если они появляются, то возникают подозрения, что речь идет о единичной вещи, имя которой построено с использованием терминов для понятий, «приукрашенных» прилагательными, которые могут быть детерминирующими, а то и модифицирующими, т. е. меняющими экзистенциальные характеристики вещи [Twardowski, 1927]. Таким образом, об искусственном характере имени свидетельствует сложный состав его выражения, а в материи суждения также префиксное расположение категорематических выражений вместо кванторных слов. Разумеется, можно сказать, что «Все красные розы прекрасны», и формально это суждение нечто говорит о понятии красной розы, но его истинность, очевидно, может быть подвергнута сомнению, и не без оснований, которые здесь нет возможности приводить.

Таким образом, синкатегорематические кванторные слова семантически прозрачны для денотации термина или имени, а категорематические выражения таковыми не являются (о чем, в частности, свидетельствует парадокс гетерономности слов). Например, видя красный цветок, можно сказать, что это пион, но по мере приближения к нему, исправить сказанное, заменив «пион» «розой». Собственно же исправления требует образ воспринимаемого сознанием цветка. Состоит же исправление, по-видимому, в том, что – говоря языком Brentano - «слепая» из-за «непрозрачности» категорематического выражения денотация к цветку уступает место интенции к имманентному образу, продолженному волевым усилием до интенционального отношения к цветку, т. е. денотация «↓» сменяется интенционально определяемой интерпретацией «↑». Следовательно, для упоминавшихся ранее примеров «собственных имен» одной и той же планеты интенциональная интерпретация, а в действительности интенция имеет вид - <<«Утренняя звезда»↑>, <<«Вечерняя звезда»↑>, тогда как для действительно собственного имени имеет место денотация - <«Венера»↓>. Таким образом, если Милль прав в том, что собственные имена не имеют коннотации, то для составных выражений, якобы выполняющих роль имен, денотация превращается в интенцию, свидетельствующую об описательном характере обозначающих составных выражений, т. е. о дескрипции.

Остается заметить, что «семантически непрозрачные» для денотации категорематические выражения перед обозначением вещи могут усилить к ней интенцию, если они выражают экзистенциальные характеристики предмета, в частности, место и время. Именно так и обстоит дело с «Утренней звездой» и «Вечерней звездой», не требующих указательных местоимений, способных напрямую выражать интенцию к предмету. Тем самым создается иллюзия создания собственных имен на манер «Венеры». Однако достаточно явным образом заполнить валентность интенционала любого обозначающего выражения посредством приписывания или отрицания свойств субъекта, что и происходит в суждении, как такое выражение восстанавливает денотацию к объекту. Таким образом, даже столь минимального контекста, каковым является суждение, достаточно для «исправления имен».

3. Дескрипция

Дескрипция является конструкцией обозначения, выражающей в языке отношение «часть-целое», которое удается различить в обозначаемом предмете. Термин же для понятия реализует отношение «элемент-совокупность». Эти две эпистемологически различные парадигмы иногда путали, чему способствовало как собственно создание составного термина для понятия, так и небрежность в указании соответствующего ему рода (универсума рассмотрения).

Причина путаницы указанных парадигм, очевидно, носит онтологический характер. Первое их отличие состоит в том, что понятие совокупности отличается от понятия целого. Несмотря на то, что понятие совокупности предполагает некую ментальную активность абстрагирующего характера, все же в теории понятий она компенсируется объемом, без которого понятия просто нет. А объем, в свою очередь, уже не как элемент, но как совокупность включается в род. Различие же имен видового и родового понятий как совокупностей исключает какую-либо языковую рекурсию для элемента, если бы он попытался обрести родовой статус, т. е. утвердить свое существование, придав ему черты целостной вещи. Эти черты целостности элемент понятия может обрести только в суждении за счет истинности. Все это и позволяет понятию, несмотря на содержание, трактовать парадигму «элемент-совокупность» исключительно экстенционально. Онтологию понятия – по аналогии с естественным языком — возможно, следовало бы назвать естественной онтологией.

Может показаться, что задаваемая парадигмой «часть-целое» онтология окажется не менее естественной, чем онтология понятия, во всяком случае, с точки зрения «здорового смысла». Но так будет только тогда, когда целое дается собственным именем, а мир будет состоять из вещей, да еще и известных нам «по знакомству». Реизм, построенный на парадигме «часть-целое», возможно, и приемлем как онтология «здорового смысла», но, как известно, его трудно воплотить в естественном языке, почему и затруднительно называть его естественной онтологией, в отличие от онтологии понятия. Естественной конструкцией языка для реизма, как кажется, будет описание вещей. Поэтому, рассматривая дескрипцию, будем стараться выделить в ней те семантические компоненты (и синтаксические их эквиваленты), которые будут соответствовать части и целому описываемого предмета. Методология анализа дескрипции будет такой же, как для понятия, – вначале рассмотрим конструкцию дескрипции отдельно, саму по себе, а затем в составе суждения или даже контекста. Такой подход оправдан тем, что в суждении или контексте функция обозначения предмета, как правило, конкретизируется, становясь номинацией, так что ни термин для понятия не соотносится более с объемом, ни дескрипция не указывает на исходную целостность, а у описываемой явным образом части целого, по меткому замечанию М.Даммита, могут «вырасти» даже заглавные буквы. Эта оговорка в известной степени объясняет многочисленные сетования реформаторов традиционной логики на «несовершенство» естественного языка вообще, а также замену Б.Расселом трехплоскостной семантики Фреге на двухплоскостную в частности. Цель замены состояла в элиминации из рассмотрения смысла и возврате к исключительно значению обозначающего выражения. Порожденный творчеством символ способствовал возврату в «утерянный рай» понятийного мышления, правда, его онтология стала не естественной онтологией объема, но творческой онтологией классов или множеств. Однако замена рода для понятия классами или множествами привела к разделению контекстов на экстенциональные и интенциональные. Изгнанный из построенных по строгим правилам символической логики выражений смысл обрел прибежище в контексте, границы которого не очерчены. А раз у контекста отсутствуют четкие границы, то можно предполагать, что и у помещенной в него дескрипции таковые

отсутствуют, а значит дескрипция не может очертить описываемую целостность, но всего лишь ее часть.

Однако так бывает не всегда. В естественном языке есть дескрипции, которым удастся однозначно описывать часть, т. е. придавать дескрипции значение без того, чтобы превращать его в смысл. Дескрипции удастся воплотить значение за счет обращения в своей конструкции к целому. Этот наиболее полный тип дескрипции не нуждается в интенциональном отношении к описываемой вещи и реализуется в языке преимущественно конструкцией родительного падежа (хотя не исключены и другие падежи), которую обобщенно можно представить в виде «части от целого» (*pars ab totum*), например, «король Франции», «берег реки» и т. д. Как кажется, также и древнее отношение родства, называемое анкестральным отношением (*ancestre* (лат.) - предок; предшественник), хотя и не использующее родительный падеж, все же может рассматриваться как указание части с использованием целого. Примером может служить выражение «Симон, сын Ионин» и производное в современном языке указание имени с упоминанием отчества. В таком отношении имя индивида указывает на часть, целым для которого является отец, например, Иван Петрович. И так же, как сын не более отца, так и часть не более целого.

Дескрипции, содержащие в своей конструкции как указание на часть, так и упоминание целого, а значит явным образом формулирующие отношение «часть-целое», могут быть выделены в отдельный вид. Существование описываемого индивида в этого вида дескрипциях исчерпывающим образом определяется отношением анкестральности. Выполнение этого отношения означает, что предшествующий во времени предок определяет существование потомка в пространстве, почему и дескрипция такого потомка лишена временного параметра (во всяком случае, настоящего времени) и не обладает творческим характером созидания части по слову. Такого вида дескрипции известны издавна и здесь они рассматриваться не будут, поскольку описываемая в них часть обладает значением, но не смыслом, а значит некоторые из них могут выполнять роль собственного имени, и уж определенно все они способны быть полноценными субъектами суждений без обращения к косвенному денотату, или смыслу для денотации (а не референции) потомка (части).

Отметим также, что близким по смыслу к анкестральному отношению в период символизма было отношение ингеренции, или включения, которое предполагало существование наперед заданного класса или множества (близкого аналога предка, или дальнего - рода) без различения его компонентов, но понятие подмножества, позволившее отличать совокупность от элемента, отдало предпочтение понятию множества. Проблемы, связанные с заданием множества, т. е. его существованием как некой целостности, проявились в аксиоме выбора, креативный характер которой может быть реализован только в моментах настоящего времени. Независимость же аксиомы выбора от способа задания множества, как кажется, свидетельствует о недостижимости момента настоящего времени для творчества.

Дескрипцию, которая в своей конструкции отказывается от воплощения анкестрального отношения и претендует на самостоятельный статус собственного имени в языке, можно подвести под рубрику *pars pro toto* (часть вместо целого). Эта дескрипция, как правило, реализуется оборотами вида «тот, который», состоящих из двух отчетливо различимых частей, представляющих соответственно экстенционал и интенционал выражения и способных совместно обозначать предмет. Вообще-то говоря, собственно обозначать описываемый предмет призвана часть «тот ...,...», которая в условиях коммуникации приближается к остенсивному определению предмета, указывая на него. Указание на предмет жестом или указание в условиях заочного с ним ознакомления с помощью местоимения, возможно, дополненного

существительным, например «та звезда, ...», - все такие указания, как кажется, можно подвести под упоминавшееся выше понятие экстенциональной интерпретации. Если для символа формализованного языка функция экстенциональной его интерпретации указывала на соответствующее выражение метаязыка, то в данном случае указание происходит или непосредственно на предмет, или, употребляя в настоящем моменте времени инскрипцию, например, «звезда», имеет место обращение к типу выражения «звезда», экземпляр которого известен носителю языка. В любом из этих случаев – как для символа, так и для дескрипции – функцию экстенциональной интерпретации можно изобразить по-прежнему – «тот (та звезда) \uparrow , ...». Поскольку было оговорено, что дескрипция может рассматриваться как отдельно, так и в составе суждения или контекста, то заметим, что при отдельном ее рассмотрении функция экстенциональной интерпретации выполняет интенциональное отношение, т. е. является интенцией к обозначаемому (указуемому, в случае остенсивного определения) предмету. Как бы там ни было, интенция указывает на предмет в пространстве, но делает это только в настоящем времени независимо от того, указываете ли вы жестом на предмет или воспринимаете инскрипцию при прочтении текста. Интенция (экстенциональная интерпретация) ввне рассматриваемой дескрипции отдает предпочтение пространству, а не моментам настоящего времени, которые даже в случае остенсивного определения в условиях коммуникации никогда не совпадут.

Поскольку здесь речь идет в основном о периоде символизма, то заметим, что интенциональное отношение не всегда трактовалось экстенционально, что не значит, якобы оно было интенциональным. Оно всегда было экстенциональным, но его отличие в период символизма от, например, средневековья состояло в онтологии предмета: в последнем из названных периодов предмет был трансцендентным, а в символизме он становится трансцендентальным (спроектированным ввне имманентным образом). Время же у трансцендентного и трансцендентального предмета различно, что и проявилось в творчестве предмета по слову, в частности, его описания.

Таким образом, поскольку момент настоящего времени «отдан» экстенциональной части дескрипции (указанию на предмет или его названию, предполагающему семантическую «прозрачность» знака, т. е. собственно существование инскрипции), то на долю интерпретации ее интенциональной части остается прошедшее и будущее время. Поэтому в дальнейшем о моменте настоящего времени речь не будет идти, ибо он отчуждается в пользу существования или описываемого предмета, или его обозначения, или указания. Кратко говоря, связанный с экстенциональной частью дескрипции момент настоящего времени имеет эквивалент в пространстве, а поэтому, имея в виду существование будь-то предмета, или его обозначения, или указания, можно говорить исключительно о пространстве.

На приведенных выше примерах «собственных» имен «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда», являющихся, как сказал бы Рассел, скрытыми дескрипциями, схематически было показано радикальное различие момента настоящего времени, определяемое существованием вещи, от времени будущего и прошлого, представленное в виде ортогональности стрелок экстенциональной и интенциональной интерпретации, а именно - « $\leftarrow \uparrow \rightarrow$ ». Теперь, с учетом конструкции выражения для дескрипции «тот, который ...» и сказанного в предыдущем абзаце, эту ортогональность можно обобщить и представить как разделение пространства (соответствующего моментам настоящего времени) и времени (прошлого и будущего). Тогда метаязыковое представление рассматриваемой дескрипции будет иметь вид:

тот \uparrow <(предмет) в пространстве>, который \rightarrow <параметры прошлого или будущего времени>

Таким образом, дескрипция радикально разделяет пространство и время, лишая их связи в виде какого-либо синтаксического эквивалента вроде союзных связок в языке, и ставит запятую для заполнения свободных валентностей обозначающего или указующего выражения интенционалом. Следовательно, в такой конструкции связь осуществляется по смыслу. Вот эту связь, говоря языком Фреге, между обычным (прямым ↑) и косвенным денотатом (→), или смыслом и предназначен восстановить творец дескрипции. Очевидно, что сделать это он может только за счет смысла, будучи тотчас после указания на предмет описания лишен доступа не только к нему (в остенсивном определении), но и к его обозначению: все, что оказывается доступным описателю – это смысл. Стремясь к утверждению существования (неявно всегда в настоящем времени) описываемого предмета, творец дескрипции подсознательно противится использованию прошедшего или будущего времени, на которое в действительности он обречен. С этой целью он вынужден поместить дескрипцию или ее часть («тот x, ...») в стихию языка, используя, главным образом, суждение, истинностная оценка которого должна подтвердить существование описываемого предмета. Кратко говоря, описываемый предмет ищет подтверждение в контексте, кода которого должна придать описываемому предмету целостность. Таким образом, в не очерченном четко контексте дескрипция стремится обрести черты целостности описываемого предмета. Однако в контексте речь идет не об истинностной оценке, но исключительно о подтверждении существования в каждом моменте настоящего времени описания. Поэтому в контексте приходится прибегать к свойствам, характеристикам несомненно существующих предметов, перенося их на описываемый предмет. С этой целью прибегают к аллегории, метафоре и прочим тропам. Прочтение насыщенного тропами литературного произведения может даже создать иллюзию существования описываемого предмета, но никоим образом не может создать моментов настоящего времени, осознание которых при чтении, скорее всего, будет упущено, а с ними и реальное существование описываемого предмета. Поэтому каковы бы ни были размеры контекста, он всего лишь паллиатив в прилагаемых усилиях по описанию части, стремящейся обрести черты целостного существования, которое возможно только в настоящем времени. Именно поэтому рассматриваемый здесь вид дескрипции «тот, который», будучи помещенной в лишенный границ контекст, и уж определенно вне его, следует относить к разряду описания *pars pro toto*. Причины этого отнесения кроются в естественном языке, который, согласно Гумбольдту, следует рассматривать во всей целостности, но не как «продукт деятельности (ergon), а как деятельность» (energeia)» [Гумбольдт, 1960: с.73], разумеется, в настоящем времени, тогда как радикально отделенным в дескрипции от описываемого предмета свойствам остается прошедшее или будущее время. Кратко говоря, смыслу настоящее время недоступно, а его воплощение в языке будет указывать на прошлое или будущее время. Поэтому разделение Фреге денотатов на прямые и косвенные, как кажется, может быть уточнено: прямому денотату соответствует настоящее время, а косвенному – прошлое или будущее. И если расширить границы составных обозначающих выражений предмета суждением, что и имело место во второй половине XIX столетия, то истина как прямой денотат (по Фреге), по-видимому, определяется в настоящем времени. Допущение же к рассмотрению еще одного денотата суждения – лжи - разумеется, не приведет к еще одному моменту настоящего времени, но, как кажется, укажет на природу денотата суждения – творческую или сотворенную.

Таким образом, каково бы ни было обозначающее выражение естественного языка – термином для понятия, символом или дескрипцией, единственным денотатом в настоящем времени для высказывающего суждение субъекта оказывается «истина». И этот денотат является единственным, который высказывающий суждение субъект

может создать по слову. Все прочие денотаты, являющиеся вещами и несомненно существующие в каждом моменте настоящего времени, потребовали бы для обнаружения своего существования «синхронизации часов». Эталон для такой синхронизации времени, по-видимому, и выступает истина, а каждый высказывающий ее вынужден соотноситься с ней предикативно, почему и сама она для высказывающего суждение оказывается предикатом, а не субъектом, предназначенным обозначать денотат. Для того, чтобы истина была денотатом, следует занять такую же антипсихологическую позицию, каковую занял Фреге. А она возможна только в настоящем времени, и только в нем действительна апология Фреге, посчитавшего «истину» денотатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
- Асмус В.Ф.* Логика. М., 1947.
- Бочаров В.А., Маркин В.И.* Основы логики. М.: Космополис, 1994.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М.: Просвещение, 1960. С. 73 .
- Домбровский Б.Т.* Символ как объект апофатической философии // Электронный философский журнал *Вох / Голос*. 2014. Вып. 16 (Июнь). Режим доступа: <http://vox-journal.org>
- Лукашевич Я.* О принципе противоречия у Аристотеля. М.-СПб.: ЦГИ, 2012. 258 с.
- Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика Вып.8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181–210.
- Фреге Г.* Избранные работы. М.: ДиК, 1997.
- Twardowski K.* Z logiki przymiotników // *Przegląd Filozoficzny*. XXX (1927). S. 292—294.
- Twardowski K.* Symbolomania i pragmatofobia // *Ruch Filozoficzny*. VI (1921). S. 1—10.
- Lesniewski St.* Przyczynek do analizy zdań egzystencjalnych // *Przegląd Filozoficzny*. XIV (1911). S. 329-345.